

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 21—29.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 21—29.

Научная статья

УДК 821.111

DOI: 10.46726/И.2024.2.3

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕМЫ ДЕТСТВА В РОМАНАХ КАДЗУО ИСИГУРО

Татьяна Сергеевна Орлова

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия
им. А.Л. Штиглица, Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, ots_prof@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется художественное своеобразие образов детства в романах Кадзуо Исигуро. Статья рассматривает ключевые воплощения дискурса детства в контексте мировых проблем, влияющих на жизнь новых поколений. В результате анализа было выявлено, что в творчестве Кадзуо Исигуро топос детства и мотив памяти о связаны с социопсихологическими проблемами: сиротство, отсутствие и развод родителей, потеря памяти, конфликт поколений, инфантилизм и др. В литературных работах Кадзуо Исигуро мировые проблемы служат тревожным фоном для рефлексии над темами человеческой жизни и любви, памяти, а также детской болезни и невинности. Вспоминая детство, рассказчики в романах Исигуро бессознательно воспроизводят отношения, которые у них были с родителями. Также было выявлено, что в избранном для анализа корпусе текстов детские психотравмы у главных героев, связанным с отсутствием родителей или с семейными конфликтами, вызывают путаницу с самоидентичностью, препятствуют социальной адаптации, построению личных отношений и решению этических проблем в повседневной жизни, а также порождают ложные воспоминания о детстве. Проведенный анализ показал, что для художественного воплощения темы детства Кадзуо Исигуро обращается к литературному приему «ненадежного рассказчика», ставя под сомнение фактографичность детских воспоминаний и поднимая широкую проблему репрезентации исторической и социальной памяти в литературном тексте.

Ключевые слова: британская литература, Исигуро, детство, память, ненадежный рассказчик

Для цитирования: Орлова Т.С. Особенности репрезентации темы детства в романах Кадзуо Исигуро // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 21—29.

В британской литературе одной из магистральных проблематик является тема детства. Начиная с Драйдена и Поупа, тема детства приобрела ключевую роль для целой плеяды поэтов и писателей. Развитие и возрастание важности топоса детства в британской литературе XVIII в. связано с жанром романа. В литературе XIX—XX в. тема детства получила многочисленные трактовки и художественные переосмысления. В первые десятилетия XXI в. обозначилась тенденция связывать проблематику детства с наследием прошлых веков, а также сопоставлять эту тему с такими мировыми проблемами, как глобализация, колониализм, постколониализм, революции, терроризм, болезни — явления, влияющие на жизнь новых поколений.

© Орлова Т.С., 2024

Данная статья посвящена рассмотрению основных художественных воплощений темы детства в романном творчестве современного британского писателя Кадзуо Исигуро. Кадзуо Исигуро — автор, чье литературное творчество отмечено несколькими международными наградами. В восьми романах Исигуро с разной степенью интенсивности можно найти отражение концептов детства, детей, проблемы отцов и детей, отсутствия или потери родителей.

С темой детства связана одна из основных черт художественного творчества Исигуро. В частности, его романы характеризуются обращением к приему «ненадежного рассказчика» при повествовании от первого лица. Каждый из рассказчиков Исигуро ненадежен из-за наличия травмирующих воспоминаний, связанных с детством. В текстах Исигуро через воспоминания крупные мировые события, масштабные открытия и общечеловеческие переживания (война, генная инженерия, трансгуманистические технологии; непоколебимая верность, детская травма) приобретают этическую оценку. Применение этого метода приводит к явлению, которое Дэвид Лодж обозначил как «разрыв между фикциональностью и реальностью» [Lodge: 155], в данном случае между тем, что сообщает рассказчик, и тем, что происходит на самом деле. Так, в дебютном романе Кадзуо Исигуро «Там, где в дымке холмы» (“A Pale View of Hills”, 1982), в отличие от других его текстов, читатель не только сомневается в интерпретации Эцуко ее воспоминаний о событиях до суицидального поступка дочери, но и сомневается, являются ли они воспоминаниями вообще.

В многочисленных интервью Кадзуо Исигуро утверждал важность и ценность памяти. И в романе «Когда мы были сиротами» (“When We Were Orphans”, 2000) в кульминационной сцене представлен следующий диалог:

— Скоро ты снова увидишь сына, уж я об этом позабочусь. А насчет того, что в годы нашего детства мир якобы был лучше, это все чушь. Просто тогда взрослые прикрывали нас. Не стоит вспоминать о детстве с такой ностальгией.

— Но-сталь-ги-я, — по слогам повторил Акира, словно это и было слово, которое он тщетно искал. Потом сказал что-то по-японски, вероятно, то же самое слово, и снова перешел на английский: — Но-сталь-ги-я. Нужно испытывать но-сталь-ги-ю. Это очень важно.

— Ты так думаешь, старина?

— Важно. Очень важно. Ностальгия. Если мы испытывать ностальгия, значит, мы помним. Мир, лучший, чем этот, мы открывать, когда расти. Мы помним и желать добрый мир снова возвращаться. Поэтому очень важно [Исигуро 2017а: 333].

В романах Исигуро использует мотив памяти и ностальгии в качестве художественного средства раскрытия биографии и психологии протагониста. В раскрытии психологического портрета главного героя особую роль играют воспоминания о юных годах. По мнению Кадзуо Исигуро, высказанному в одном из интервью для “The Asia Society”, чувство ностальгии чаще всего связано с воспоминаниями о детстве, или, по крайней мере, о времени, когда мир казался лучше, чем он был на самом деле, «потому что, когда мы маленькие дети, нам позволено жить в пузыре (при условии, конечно, что нам повезет, ведь все чаще есть дети, у которых этого нет). Взрослые, не только наши родители, но и незнакомцы на улице, все моментально вступают в заговор, чтобы ребенок поверил, что мир чуточку лучше, чем он есть на самом деле. Люди будут улыбаться или говорить сладким голосом <...> Но, конечно, как и

идеализм, такая ностальгия может вести как к деструктивным действиям, так и к позитивным, но я думаю, что подобная ностальгия — это большая сила, которая кроется в умах людей» [Shaikh].

Так, например, бессознательное и мотив сиротства играет сюжетообразующую роль в романе «Безутешные» (“The Unconsoled”, 1995). Город, в который приезжает известный пианист Райдер, представляет собой порождение его бессознательного. Райдер постоянно находится в ожидании приезда родителей. Мысль о предстоящем их прибытии одновременно утешает Райдера и причиняет ему нервный дискомфорт. Родители в романе при этом представлены как обезличенные образы, отголоски детской травмы, однако их фигура занимает центральное положение в сознании Райдера: он по-детски нетерпеливо упоминает в разговоре их предстоящий визит. Райдер не помнит, ни как родители выглядят, ни их возраст — план его детских воспоминаний размыт и в целом иллюзорен [Смирнова: 49]. Образ родителей служит утешительной фантазией в ментальной вселенной Райдера.

Мотив сиротства, но в обратной его трактовке поднимается в романе «Погребенный великан» (“The Buried Giant”, 2015). Аксель и Беатрис отправились навестить своего взрослого сына, который ушел много лет назад и теперь живет в поселении, как им кажется, в нескольких днях пути. Их сын давно ушел, возможно, имеет детей, но пожилая пара не знает из-за тумана забвения, окутывающего ту землю, где именно живет их сын, и не понятно: был ли он точно. Несмотря на утверждения соседей пожилой пары о том, что у них не было сына, Аксель и Беатрис покидают кафкианский лабиринт своей деревни с намерением отправиться в деревню сына. Они надеются, что он пригласит их жить с ним и его семьей. Хотя они не помнят ни его имени, ни лица, Аксель и Беатрис уверены, что он их ждет. По мере того, как их воспоминания постепенно возвращаются, Аксель и Беатрис вспоминают, что их сын решил сбежать из дома, потому что не хотел видеть ссору родителей из-за измены матери, Беатрис. Вскоре после этого он заболел чумой и умер. Аксель и Беатрис продолжают верить, что их сын жив и находится на таинственном острове, а также в то, что лодочник сможет доставить их туда, чтобы они могли воссоединиться с ним.

Тема сиротства и травма от развода родителей представлена и в романе «Когда мы были сиротами». Как и многие другие современные британские писатели, в этом романе Кадзуо Исигуро использует литературный прием «ненадежного рассказчика» от первого лица и применяет его к теме детства и памяти. Проведенный анализ текстов Исигуро показал, что в литературных репрезентациях детских воспоминаний фигура отца представлена оказывающей сильное личностно-формирующее воздействие на дальнейшее поведение персонажей. Так, например, «Когда мы были сиротами» — это история с трагической атмосферой о Кристофере Бэнксе, детективе, которого в детстве преследовало травмирующее исчезновение родителей (развод). Роман представляет собой демонстрацию повествовательного мастерства Исигуро. Здесь, если применить результаты исследования швейцарского психоаналитика Катрин Аспер, «ребенок как символ не представляет собой зеркальное отражение внешней реальности, а скорее, изображает нечто относящееся к внутренней реальности психики: желания, надежды и наши самые заветные чаяния» главного героя [Asper: 5]. Согласно одному из вариантов поведения в рамках фрейдистской теории, Бэнкс должен смириться с отсутствием родителей или найти способ «компенсировать отказ от инстинктивного удовлетворения»,

связанный с принятием этого отсутствия [Фрейд: 494]. Поэтому Бэнкс одержимо играет роль детектива, который обнаруживает своего отца, а позже играет в поиски родителей после исчезновения матери. Из-за потребности компенсировать потерянную родительскую любовь Бэнкс стал детективом с целью воссоединения семьи — дело о потерянных родителях, вокруг которого разворачивается сюжет романа.

Кроме того, эта травма — исчезновение родителей — выражена в тексте через нарратологическую проблему недостоверных воспоминаний Кристофера Бэнкса о местах и событиях из детства. Детская психотравма от развода родителей, отразившаяся на выборе профессии детектива и на стремлении Кристофера Бэнкса узнать правду о прошлом своей семьи, является частью более общей проблемы. Так, исследуя семейное прошлое, Кристофер Бэнкс одновременно раскрывает историю национального прошлого, так как по-детски связывает исчезновение (развод) родителей с тем, что был в недостаточной степени англичанином.

Национальная самоидентичность Бэнкса служит одновременно причиной и решением травмы Эдипова комплекса, а идеал достижения подлинной национальной идентичности становится, таким образом, сокрытым желанием личности «восстановить» себя до момента травмы, регрессом до идиллического состояния детства, в котором у Бэнкса была полная семья. Тем не менее развитие Бэнкса как персонажа оставляет ему возможность выхода за пределы замкнутого круга, состоящего из воспоминаний травматического прошлого. Окончательное принятие Бэнксом своего сиротского положения может позволить ему выйти за пределы фантазий в рамках развития Эдипова комплекса.

Чувство ностальгии по детству — это цена, которую взрослые платят «милосердному миру детей» [Shaikh: 51]. В романе-антиутопии «Не отпускай меня» (“Never Let Me Go”, 2005) поднимается тема сиротства. Также в этом тексте представлено воплощение метафоры детской жертвенности ради порядка нового мира. У детей в школе Хейлшем нет родительского дома; вместо родителей в романе представлены учителя, «опекуны», которые присматривают за воспитанниками школы, следят за тем, чтобы они не покидали территорию школы до совершеннолетия и привлекают их к разным формам искусства. Как персонаж-рассказчик ограничен тем, что рассказывают ему «опекуны», так и ограничен читатель в информации об ужасающих обстоятельствах жизни детей в Хейлшеме и вне этой школы.

Эти дети выращены для того, чтобы пожертвовать органы для «нормальных» людей во внешнем мире. В отличие от главного героя романа «Когда мы были сиротами» у учеников школы Хейлшем нет возможности выйти из состояния сиротства. Когда они покидают школу, их представления и знания о мире вне школы Хейлшем весьма ограничены. Не имея возможности быть «нормальными» людьми, большинство персонажей Исигуро в романе «Не отпускай меня» мыслят теми категориями, которые им привили в школе Хейлшем. Кэти, Томми и Рут размышляют о своем ностальгическом, травмирующем прошлом и неизбежном травмирующем будущем, а также сосредоточены на собирании «коллекций» из безделушек. Текст романа представляет собой дневниковые записи, пропитанные темой важности воспоминаний о детстве и прошлом, а также мечтой жить как «нормальные» до момента последней выемки донорских органов. Попытки троицы изменить свою судьбу и найти иное предназначение окончились неудачей.

Сюжет романа представляет собой записанную в дневник коллекцию из самых дорогих для Кэти воспоминаний из ее детства в школе и до дня, когда она стала донором. Многие из записанных моментов из жизни Кэти — это попытка ребенка понять и осознать собственную природу и смысл жизни. Так, Кэти, например, находит цель своей жизни в роли сиделки для других клонов. В своей работе Кэти считает первостепенным успокоить подопечных и помочь им подготовиться к последним изъятиям органов. Эта цель подчеркнута обратным хронологическим порядком записей в дневнике Кэти. Принципиальную важность для проблематики романа играет ностальгическое повествование, которое начинается в романе с того, что рассказчик, Кэти Ш., представляется и указывает, что работает сиделкой для доноров — работа, которой она гордится. Во время работы она рассказывает своим пациентам истории о своем времени в Хейлшеме, заменившем Кэти и другим воспитанникам родительский дом. Эту же мысль можно проследить в раннем романе Исигуро «Там, где в дымке холмы»: «Человек может трудиться и нести служение в одном месте, но в самом конце, — он пожал плечами и грустно улыбнулся, — в самом конце ему все-таки хочется вернуться туда, где он вырос» [Исигуро 2017b: 180].

Одним из ключевых признаков наличия ненадежного рассказчика в тексте Исигуро является повествование от лица ребенка. Так, Сатико как альтер-эго протагониста в романе «Там, где в дымке холмы» заключает: «Знаете, как это бывает с детьми. Они что-то вообразят себе, а потом сами перестают понимать, где выдумка, где правда» [Исигуро 2017b: 89]. Дети как персонажи-рассказчики могут быть наивными, заблуждающимися, дезинформированными или даже слишком предвзятыми из-за любви, верности, открытости души или других благих намерений, свойственных юному возрасту.

Кроме того, «детство с годами начинает напоминать чужую страну, в которой мы когда-то выросли» [Исигуро 2017a: 377]. На примере Кэйко из романа «Там, где в дымке холмы» читатель понимает, что после переезда в другую страну, в Англию, и по мере взросления и отдаления от детства Кэйко, старшая дочь Эцуко, все больше и больше замыкалась в себе, не чувствовала себя нужной ни в семье, ни в чужой стране, в которой ей так и не удалось ассимилироваться. Зачатки такого психоэмоционального состояния транслирует маленькая Марико, которая выступает как двойник Кэйко, покончившей собой. Марико, как и Кэйко, не хочет переезжать в Америку вместе с мамой, о чем говорит ее капризное и замкнутое поведение, попытки убежать. Два плана повествования становятся все более переплетенными, что затрудняет различие между прошлым и настоящим. Эта путаница между двумя временными пластами романа является типичной чертой «ненадежного повествования».

Как и в «Не отпускай меня», тема безоговорочной детской верности и служения звучит в романе «Остаток дня» (“The Remains of the Day”, 1989), повествование которого ведется с точки зрения Стивенса, пожилого дворецкого, который во время шестидневной поездки в западную Англию размышляет о своем прошлом в загородном особняке Дарлингтон-холл. Он посвятил свою жизнь служению лорду Дарлингтону, предателю родной страны, чтобы стать великим дворецким. Эта верность ослепляет Стивенса и отдаляет его от понимания политической роли Дарлингтона, симпатизирующего нацистским высказываниям.

Как заметила исследовательница Синтия Ф. Вонг, «автомобильное путешествие Стивенса по английскому ландшафту — это путешествие, отражающее его подавленную любовь к мисс Кентон <...>, чувство, которое возникло

у Стивенса, но не получило развития в результате абсолютной верности лорду Дарлингтону» [Wong: 127], а также попытка бегства от самого себя и ошибок прошлого. Несмотря на безукоризненную верность лорду Дарлингтону и стремление Стивенса к безупречному выполнению своих обязанностей дворецкого у него есть различные недостатки, которые обусловлены намерением не только перенять в работе лучшие черты отца, бывшего дворецкого, но и превзойти его. В психоаналитических трудах принято указывать на влияние образа отца на выбор карьерного и профессионального пути, а также на производительность и работоспособность [Селяев, Стависский: 151].

Тем не менее подобный порыв Стивенса к слепому и безукоризненному служению лорду приводит к тому, что роль и обязанности дворецкого преобладали у Стивенса над чувством сыновнего долга. Стивенс сдержанно и односложно отреагировал на информацию о том, что его отец умирает в комнате наверху. Отец Стивенса скрывался за такой же маской профессионализма и достоинства, никогда не проявляя эмоций или любви к сыну. Стивенс считает, что его отец хотел, чтобы он вел себя именно так, поскольку подобное поведение соответствует английскому эталону профессионализма. Для Стивенса «достоинство» означает постоянное ношение маски профессиональной выдержки. Не получив достаточного внимания от отца, Стивенс никогда никому не говорит о том, что чувствует. Не имея фигуры отца в детстве, Стивенс полностью вверил свою жизнь лорду Дарлингтону, бессознательно увидев и заместив в нем фигуру отца. Таким образом, для Стивенса было важно во всем соответствовать требованиям лорда Дарлингтона, чтобы компенсировать недостаток отношений с отцом, несмотря на то что сам лорд остушился, переняв фашистские воззрения.

Однако постоянные рассказы Стивенса об отце помогают заключить, что отеческая фигура оказала на Стивенса сильное влияние. Он видит в отце прекрасное олицетворение английского достоинства и профессионализма. Отношения между Стивенсом и его отцом по большей части полностью лишены каких-либо признаков семейной теплоты. Если отношения Стивенса даже с членом семьи настолько отдалены, можно представить, как трудно ему избавиться от привычки слепо следовать профессиональному кодексу. Поэтому он испытывал большие проблемы с построением личных отношений с мисс Кентон.

Похожая тема верности профессии, на первый взгляд, возникает в романе «Художник зыбкого мира» (“An Artist of the Floating World”, 1986). Мацуи Оно — художник своего времени, человек традиций и устоявшихся обычаев, ценящий вежливые формальности и моменты истории. Повествование от первого лица раскрывает его мысли о настоящем и будущем своей семьи, а также выявляет воспоминания о детстве и становлении карьеры художника-националиста.

Мацуи Оно вспоминает свой путь в карьере политически ангажированного художника в рамках империалистической пропаганды Японии. Его воспоминания пробуждают ряд проблем: конфликт «отцов и детей», проблема империализма, консьюмеризма. Лауреат Нобелевской премии Кадзуо Исигуро выводит в романе историю четырех поколений семьи Оно. Он дает характеристику каждому поколению, вырисовывая их портрет на фоне сложных межпоколенческих отношений. Так, например, Мацуи Оно как отец семейства заботится о традиционных, материальных благах. Он ожидает, что его сын возьмет на себя семейный бизнес. С другой стороны, у Мацуи Оно есть политические и культурные разногласия со своими детьми. Он защищает националистическую культуру Японии и хочет, чтобы его дети приняли ее. Мацуи Оно

обеспокоен тем, что младшее поколение детей, в частности внук, не знает историю своей страны и почти полностью погружен в американскую культуру под влиянием глобализации.

«Художник зыбкого мира» изображает общество, которое прививает молодежи важность уважения и послушания старшим, но тем не менее определяется межпоколенческим конфликтом и недоверием. Этот конфликт становится особенно ожесточенным после войны, когда молодое поколение возлагает вину на старшее поколение за то, что оно повело страну по гибельному пути. Роман поднимает проблему межпоколенческого конфликта, рассматривая его в разных контекстах: между родителями и детьми, учителями и учениками, политическими элитами и молодыми людьми. Мацуи Оно неоднократно переживает межпоколенческий конфликт: как сын, как ученик и как отец. В детстве он мечтал стать художником, в то время как его отец свысока пренебрежительно отзывался об образе жизни художников. Хотя Мацуи Оно никогда прямо не говорит отцу, что не признает его ценности, он становится сильнее в своем желании стать художником. Подобный конфликт происходит и в собственной семье Мацуи Оно. Его дочь Норико часто критикует отца за его праздность, вмешательство и гордость. Мацуи Оно считает эту критику в своей адрес безосновательной, за исключением беспокойства по поводу перспектив дочери на замужество. В общении со своей старшей дочерью Сэцукэ Мацуи Оно испытывает чувство враждебности и недоверия, которое скрывается за ее вежливыми манерами.

Тема детства и профессиональной верности звучит и в восьмом романе Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце» (“Klara and the Sun”, 2021). В этом романе автор проецирует такие человеческие качества, как верность, любовь и дружба на искусственный интеллект — Клару. Единственная цель таких роботов — помочь и защитить «своего подростка». Клара непоколебимо выполняет роль верного компаньона для болезненной девочки Джози, даже если это означает подвергнуть себя опасности. Клара следует всем велениям Джози; она непоколебима в своих надеждах и планах сделать Джози здоровой.

Тем не менее, несмотря на технически совершенную природу, Клара по своему наивному воззрению на окружающий мир похожа на ребенка. Клара каждый день учится, узнает новое о людях, наблюдая за поведением людей в магазине и на улице, общаясь с семьей Джози и ее другом-соседом. Тема детской наивности перемежается в романе с историями о борьбе с болезнями, о чувстве разлуки и одиночества, подростковыми проблемами, переживанием ситуации развода родителей, а также с философскими размышлениями над тем, что значит быть человеком и что такое любовь.

Таким образом, как и многие другие современные британские писатели, Кадзуо Исигуро в романах использует литературный прием «ненадежного рассказчика» от первого лица и применяет его к теме детства и памяти. Исследование показало, что эмоциональное потрясение, полученное главным героем в детстве, например, переезд в другую страну, развод или отсутствие родителей, приводит его к психотравме во взрослом возрасте и даже к потере памяти в пожилом. В частности, было выявлено, что неоднократно фигура отца в романах Исигуро оказывала сильное личностно-формирующее воздействие на поведение детей. Для репрезентации темы детства Кадзуо Исигуро несколько раз обращается к жанру антиутопии, фантастики и научной фантастики с целью рефлексии над темами философии человеческой жизни и любви, образов памяти, а также детской болезни и невинности.

Источники

Исигуро К. Когда мы были сиротами. М.: Издательство Э, 2017. 400 с.
Исигуро К. Там, где в дымке холмы. М.: Эксмо, 2017. 224 с.

Список литературы / References

- Селяев А.Г., Ставиский М.Ю. Влияние образа отца на профессиональное и карьерное развитие // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2022. Т. III, № 3. С. 135—155.
- (Seliaev A.G., Staviskii M.Iu. The influence of the image of the father on professional and career development, *Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis*, 2022, vol. III., no. 3, pp. 135—155. — In Russ).
- Смирнова О.М. Мир детства в романах К. Исигуро // Научное мнение. 2015. № 11—1. С. 47—53.
- (Smirnova O.M. The World of Childhood in the Novels of K. Ishiguro, *The Scientific Opinion*, 2015, no. 11—1, pp. 47—53. — In Russ).
- Фрейд З. Большая книга психики и бессознательного. Толкование сновидений. По ту сторону принципа удовольствия. М.: АСТ, 2017. 523 с.
- (Freid Z. The big book of the psyche and the unconscious. Dream Interpretation. Beyond the Pleasure Principle, Moscow, 2017, 523 p. — In Russ).
- Asper K. *The Inner Child in Dreams*, Boston: Shambhala, 1992, 151 p.
- Lodge D. *The Art of Fiction*, London: Secker & Warburg, 1992, 224 p.
- Shaikh N. Kazuo Ishiguro's Interior Worlds. URL: <https://asiasociety.org/new-york/kazuo-ishiguros-interior-worlds> (accessed: 27.01.2023).
- Wong C.F. The Shame of Memory: Blanchot's Self-Dispossession in Ishiguro's *A Pale View of Hills*, *Clio: A Journal of Literature, History and the Philosophy of History*, no. 24 (2), 1995, pp. 127—145.

CHILDHOOD IN NOVELS BY KAZUO ISHIGURO

Tatiana S. Orlova

Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design,
Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, ots_prof@mail.ru

Abstract. The article analyzes the theme of childhood in novels by Kazuo Ishiguro. Throughout the article, key features of literary childhood are examined as they relate to global problems that impact future generations. The literary theme of childhood and the motif of childhood memories, as explored in Kazuo Ishiguro's novels, are closely related to sociopsychological issues, such as orphanhood, absent parents, memory loss, generation gaps, infantilism, etc. In Kazuo Ishiguro's fiction, global problems are used as a background for examining themes of the philosophy of life and love, images of memory, and childhood illness. The protagonists in Ishiguro's novels unconsciously recreate their childhood relationships with their parents when reminiscing about their childhood. Childhood trauma, coupled with family conflicts, led the protagonists to be confused about their own identity as adults. It was due to these factors that the main characters were unable to develop healthy relationships, successfully integrate into society, and solve ethical dilemmas in daily life. Those childhood traumas also contributed to the creation of false memories of childhood. In his novels, Kazuo Ishiguro addresses childhood through the literary device of the unreliable narrator. By using an unreliable narrator, the author raises questions about the factual nature of childhood memories and the problem of how historical and social memory can be presented in literary narratives.

Keywords: British literature, Ishiguro, childhood, memory, unreliable narrator

For citation: Orlova T.S. Childhood in novels by Kazuo Ishiguro, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 21—29.

Статья поступила в редакцию 24.03.2023; одобрена после рецензирования 18.04.2023; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 24.03.2023; approved after reviewing 18.04.2023; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Орлова Татьяна Сергеевна — преподаватель Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица; аспирант, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, ots_prof@mail.ru

Orlova Tatiana Sergeevna — Lecturer of the Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design; Postgraduate student, Lecturer of the Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, ots_prof@mail.ru